

Отзыв

члена диссертационного совета на диссертацию Марии Евгеньевны Паниной на тему «Образ России и русских в современной китайской публицистике (на материале писательских путевых очерков)», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (литература Ближнего и Дальнего Востока)

В диссертации М. Е. Паниной решаются две взаимосвязанные задачи: на материале публицистических очерков о России четырех современных китайских писателей, с одной стороны, выявляются и анализируются некоторые устойчивые модели репрезентации образов неродной этнокультурной общности (в данном случае русскоязычной) в рамках антропологической оппозиции «свой–чужой», с другой, уточняется положение подобного рода произведений в системе литературных жанров Китая в сопоставлении с таксономией жанров в западной литературе. Автор рецензируемой работы опирается на широкий круг как теоретических трудов по соответствующим предметам литературоведения, имагологии, применению статистических методов анализа текста, так и дескриптивно-аналитических исследований по истории китайской публицистики. Кроме работ отечественных специалистов в разных отраслях гуманитарных и социальных наук, в диссертации использовано много публикаций китайских ученых (в библиографическом списке около четырех десятков трудов на китайском языке, с. 156-161), регулярно цитируются новые западные исследования. Это позволяет автору рассматривать заявленную тему в разных перспективах, учитывая многосторонние, в том числе несхожие мировоззренческие подходы, и в целом свидетельствует о высоком профессиональном уровне диссертации.

Научная новизна работы М. Е. Паниной определяется результатами главным образом имагологического анализа текста избранных публицистических произведений в третьей главе, что логически следует и из самого названия этой главы, созвучного названию всей диссертации. Сама автор предлагает рассматривать этот анализ как продукт сочетания трех методов: имагологического, литературоведческого и социологического («контент-анализ»). Подробная характеристика этих методов приведена в первой главе диссертации, а необходимость их комплексного использования для изучения литературных текстов с имагологическим содержанием М. Е. Панина считает выражением междисциплинарного подхода и формулирует как одно из положений, выносимых на защиту (с. 17).

Конкретные результаты, относящиеся непосредственно к предмету исследования, включают данные о ключевых компонентах структуры образа России в современной китайской публицистике, распределении позитивных и негативных оценок по отдельным концептам и имагемам, соотношении стереотипного изображения и индивидуального авторского видения. Более общие выводы, касающиеся содержания и функций китайских публицистических текстов, вполне ожидаемы и в основном подтверждают уже сложившиеся представления о том, что публицистика не бывает совершенно свободной от художественных элементов, часто преследует определенные идеологические и даже пропагандистские цели, а в конструировании образа «чужого» всегда с той или иной степенью завуалированности просматриваются черты «своего». Сама оппозиция «свой–чужой» генетически предполагает сравнение, которое неотделимо от самопознания. Очевидная важность таких идей, имеющих и теоретическое и практическое значение,

тоже определяет научную ценность исследования М. Е. Паниной, где эти и подобные им положения подтверждаются новыми документальными свидетельствами.

Хотя две первые главы диссертации являются своего рода теоретико-методологическим введением к третьей, собственно исследовательской, доминирующая компилятивная составляющая в них сопровождается самостоятельными творческими дополнениями и комментариями автора. Так, в первой главе М. Е. Панина уточняет стратификацию образа «чужого», т.е. другого народа, в соответствии с рассматриваемым литературным материалом (с. 28-31), предлагает и демонстрирует наглядной таблицей свою комплексную методику исследования образа «чужого» (с. 51-52), рассуждает о возможности количественного анализа визуальных «невербальных средств воздействия публицистических текстов («фоторяда»)» и сочетания этих средств с собственно словесными (с. 49).

Во второй главе, где представлен общий обзор родов литературы Китая и истории китайской публицистики, автор приводит собственные аргументы в пользу мнения китайских ученых о том, что публицистическая и эссеистическая проза *саньвэнь* образует самостоятельный род литературы, «не относящихся к лирике *шигэ*, драме *сицзюй*, художественной прозе *сяошо*» (с. 57-59). Здесь же постулируется и положение о разделении литературного рода *саньвэнь* на два типа — эссеистику (*саньвэнь* в узком смысле) и «газетно-журнальную публицистику» (*баогао ваньсюэ*) (с. 60). Характеризуя последний тип как «литературный журнализм» (*literary journalism*), М. Е. Панина приходит к выводу: «Китайская публицистика *баогао ваньсюэ* включает в себя синкретические жанры, которые совмещают черты художественной литературы и журналистики: это прежде всего очерк (*тэсе/суйби/цзи*), а также близкие очерку формы и жанры (репортаж, аналитическая статья, документальная проза)» (с. 66). Во втором разделе той же главы, излагающем современные подходы к пониманию критериев публицистики, затрагивается непростая проблема художественности текста. Принимая мнение китайских ученых о том, что главной особенностью произведений *баогао ваньсюэ* является тесная взаимосвязь трех элементов (модусов) — документального, собственно публицистического и художественного, автор диссертации полагает, что «в тройственной природе *баогао ваньсюэ* публицистическое подчиняет себе художественное, а журналистская составляющая подчиняется им обоим» (с. 76). При этом делается важная оговорка: «Хотя в некоторых случаях можно говорить и о преобладании художественного над остальными двумя модусами, так как допускается фикциональность» (там же). Ясно, что эта оговорка вызвана содержательно-стилистическими признаками исследуемых в диссертации текстов, которые отнесены М. Е. Паниной к категории путевых очерков *юцзи*. Автор справедливо утверждает, что «путевой очерк неизбежно является синкретичной формой, сочетающей субъективное и объективное, художественный вымысел и документальные факты», а в совокупности с традиционными идейно-эстетическими принципами письменной словесности травелог в китайской литературе воспринимается как «самая “художественная” область нефикциональной прозы *саньвэнь* и публицистики *баогао ваньсюэ*» (с. 84). Это обстоятельство в полной мере учитывается в исследовании четырех китайских очерков о России в третьей главе.

Хотя критерии, по которым именно эти очерки были отобраны для изучения объяснены недостаточно четко (с. 87-88), их тематика, стилистика, литературные и внелитературные задачи заметно различаются и потому позволяют получить относительно разностороннее

представление о современной китайской публицистике жанра *юцзи*. В интерпретации М. Е. Паниной каждый из четырех авторов этих очерков имеет отчетливо индивидуальное творческое лицо, а соотношение положительных и отрицательных оценок образа России в их произведениях варьируется от в целом негативного (Е Юнле), до в целом позитивного (Фэн Цзицай). Идеино-смысловые характеристики очерков предугадываются в обозначениях ролевых функций их авторов: Ма Фулинь — это «ироничный обличитель» (с. 90), Е Юнле — «пристрастный наблюдатель» (с. 100), Го Чэнь — «повествователь-журналист» (с. 134), и Фэн Цзицай — «чиновник», «эксперт-аналитик» и одновременно «просветитель» (с. 122, 135). В диссертации подробно описывается содержание очерков, анализируются формы и степень проявления в них трех модусов – документального, публицистического и художественного, систематизируются сведения, относящиеся к разным уровням имагологической оппозиции «свой–чужой». В зависимости от конкретного литературного материала автор диссертации акцентирует внимание на определенных темах, составляющих основные концепты этой оппозиции (национальный характер, материальная культура, духовная культура, политика, экономика), имагемах, представленных главным образом фигурами деятелей политики и культуры, а также заглавиях разделов, отражающих смысловые доминанты текста. Собранные данные наглядно показаны в таблицах (с. 95-96, 103-104, 112-113, 125). Общим для всех очерков признается стремление их авторов к подтверждению достоверности излагаемых событий через сообщение какой-либо фактической информации (точные даты, названия мест, имена людей и пр.) и посредством использования иллюстративных средств, фоторяда. Что касается элементов художественности, то, судя по анализу М. Е. Паниной, наиболее ярко они выражены в очерке Ма Фулиня «Черная и белая Россия», а их основным генератором является отчасти юмористическая манера изложения. Если у других авторов художественность заключена больше в пейзажных зарисовках (например, шаблонное описание березового леса в рассказе Фэн Цзицай о Л. Н. Толстом; с. 124) или в каких-то ассоциациях (например, в словах Го Чэня: «Сидя в аэропорту, я читал “Тихий Дон”. А в Москве в это время было отнюдь не тихо»; с. 114), то у Ма Фулиня отмечается присутствие просторечий, диалектизмов, иероглифической транскрипции русских слов («наламала» – «нормально», «лесытолан» – «ресторан» и др.), стилизаций под пьесу, монологов от лица животных, намеренно развлекательных забавных историй наподобие той, где автор наказывает своего подчиненного китайца, заставляя его есть русскую лапшу и ходить в театр (с. 92, 98). Заголовки разделов в очерках Ма Фулиня (например, «Почему поют русские холодильники» или «Как не разозлить русских женщин»), тоже обещают читателю веселое художественное чтение, явно отличающееся от того, что подразумевается, например, назидательным заголовком в очерке Го Чэня: «Угроза безопасности китайских коммерсантов — кроме террористов есть еще и “банды скинхедов”» (с. 113).

Собственно имагологическое содержание исследованных в диссертации китайских очерков в целом немного разочаровывает своей тривиальностью и даже поверхностностью. Замечание М. Е. Паниной по поводу Ма Фулиня о том, что он находится в плену китайских стереотипов о России и ее населении и одновременно «является продуцентом новых стереотипов» (с. 90), полностью относится и ко всем другим авторам. Есть также стойкое ощущение, что все авторы, казалось бы разные по мироощущению, пишут с оглядкой на политическую цензуру, видимо, прочно

укоренившуюся в их сознании. Все они не только придерживаются одной политической идеологии, но и нарочито декларируют ее. У Е Юнле эта идеологическая установка относительно дипломатично выражена в словах российского ученого В. Г. Булова: «Китай идет верным путем, и я его поддерживаю!» (с. 101). Кажется, что это и есть главный код для правильного понимания основного идейного смысла и прагматики всех рассмотренных произведений *юцзи*. Китайские писатели видят в России в большей степени зеркало для самоанализа, точнее самоутверждения, и проповедуют заданные догмы. Об этом М. Е. Панина прекрасно говорит в заключительных строках последней главы: «Элементы идеологической манипуляции сознанием читателей обнаруживают себя в том, что Россия изображена «догоняющим» Китай государством во всех сферах жизни за исключением высоких достижений прошлого русской литературы и искусства. Тем самым подспудно культивируется осознание превосходства, цементирующее идентичность Своей нации» (с. 136).

Некоторые дискуссионные аспекты рецензируемого исследования относятся только к отдельным теоретическим постулатам и методическим принципам, изложенным в первых двух главах. Например, использование заимствованных из английского языка парных терминов «фикциональный»/«нефикциональный» применительно к критерию разделения литературы на художественную и нехудожественную не кажется шагом вперед в литературоведческой науке. Значение этих терминов неизбежно связывает критерий разграничения литературных текстов с крайне размытым понятием вымысла. Полагаю, характеристика текстов как «вымышленных» и «невымышленных» годится только для отвлеченных теорий и малоприменима для глубокого и всестороннего анализа конкретного литературного материала. Качественная журналистика, например, должна считаться «нефикциональной» литературой, но недавний пример с разоблачением полутора десятка публикаций репортера авторитетного немецкого журнала «Шпигель» К. Релотиуса, отмеченного наградами и имевшего высокую репутацию в профессиональной среде, в которой раз заставляет задуматься об адекватности критерия «нефикциональный» применительно к этому и другим близким типам литературы. В течение семи лет этот журналист с мировым признанием, награжденный CNN в 2014 г. титулом «Журналист года», писал статьи, в которых частично или полностью выдумывал сюжеты и героев. Если бы не случайное разоблачение, его тексты считались бы образцом «нефикциональной» прозы. В последнем незаконченном романе У. Эко «Нулевой номер» («Numero zero», 2015) подробно описаны все возможные и широко применяемые сейчас формы завуалированных фальсификаций в журналистике, превращающие ее в самую настоящую «фикциональную» прозу. Кроме того, традиционные определения литературы «художественная» и «нехудожественная» тоже могут применяться лишь с оговорками, поскольку далеко не только в литературе Китая есть обширное пространство промежуточных текстов. До начала эпохи европейского Просвещения во второй половине XVIII в. научная классификация литературы по данному критерию кажется вообще сомнительной. В этой связи, естественно, требует уточнения содержание понятия «художественность текста».

Полагаю, филологу-литературоведу также следует осторожнее обращаться со статистическими приемами контент-анализа, который хотя и был относительно недавно «запатентован» социологами, тем не менее в части контекстуального изучения семантики терминов по сути является первичной основой любого академического исследования

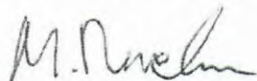

историко-филологической направленности. Статистические методы давно применяются в филологии, например, при составлении частотных словарей или установлении авторства; по сути на их основе существует корпусная лингвистика. Однако при анализе конкретных текстов такие приемы могут дать фиктивные результаты. Например, в тексте Корана термин «шариат», одно из ключевых понятий ислама, встречается всего один раз, а слово «женщины» — пятьдесят девять, что никак не свидетельствует о приоритете фрейдистского подхода к толкованию мусульманской книги откровения.

Основанная на методиках междисциплинарного анализа диссертационная работа М. Е. Паниной вносит существенный вклад в изучение современной китайской публицистики в жанре путевого очерка *юцзи*, ее общих идейно-художественных черт и особенностей имагологического содержания произведений, посвященных России. Автор диссертации квалифицированно и успешно решает все поставленные задачи, относящиеся к исследованию как конкретного текстового материала, представленного очерками четырех китайских писателей, так и системы жанров литературы Китая в целом. Аргументация и выводы исследования обоснованы, самостоятельны, отражают высокий уровень экспертно-аналитических компетенций автора. Кроме научного значения результаты исследования имеют также перспективы практического применения в учебном процессе и деятельности, направленной на укрепление культурных связей КНР и России.

Диссертация Марии Евгеньевны Паниной на тему: «Образ России и русских в современной китайской публицистике (на материале писательских путевых очерков)» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Мария Евгеньевна Панина заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (литература Ближнего и Дальнего Востока). Пункт 11 указанного Порядка диссертантом не нарушен.

Член диссертационного совета,
доктор филологических наук,
профессор Кафедры иранской филологии
Санкт-Петербургского государственного университета

Михаил Сергеевич Пелевин
21 февраля 2019